

Зима пронизывала холодом, но Сайласу было все равно. Холодный ветер, наоборот, охлаждал его разум, пока он шел от дальнего северного замка ближе к середине континента, где находилась деревня. Хотя формально деревня все еще находилась на севере, она была гораздо ближе к остальной цивилизации, чем замок. Последний был пятном на карте размером со стол, на которое ребенок мог указать и спросить: "Отец, что это за место?", и получить скудный ответ: "Туда люди идут умирать".

Сделав глоток из тыквы, он посмотрел на безлунное, беззвездное, затянутое облаками небо. Это был уже четвертый его спуск на юг. После первого, где ему удалось убить Тень, два других закончились довольно мучительной смертью. Так как Сайлас решил медленно обострять борьбу, в конце концов, он просто оказался не в состоянии сравниться с Тенью.

Уровни энергии были несопоставимы - единственное, что хоть немного сокращало разрыв между ними, это то, что Сайлас был тараканом. Его было очень трудно убить, даже такому человеку, как Тень. А поскольку последний не мог сражаться в излюбленном стиле Сайласа - удар за ударом - поединки обычно затягивались надолго.

Две смерти, однако, не прошли даром; он глубже проникал в человека, в то, что скрывалось под поверхностью. Одно можно было сказать наверняка - как и Сайлас... это был не человек. Это было нечто большее, нечто, что не поддавалось простой смертности человека. Это было нечто, не поддающееся размышлениям, хотя и не такое явно багровое, как Сайлас.

Была какая-то глубина, какая-то угрюмость, которую тьма скрывала под взглядом человека, пережившего Королевство - жизнь для него, как и для Сайласа, была быстротечной вещью. Хотя его поглощала собственная река гнева, она мало чем отличалась от гнева Сайласа - здесь была ярость неповиновения, ярость бессильной беспомощности. Помимо всего прочего, Сайлас считал опасным общаться с этим человеком - ведь он все больше и больше начинал видеть мир с его точки зрения.

Тень, или Тени - сколько бы их там ни существовало - считали остальных ниже себя. В конце концов, они были теми, кто бросил вызов самим богам, кто разорвал цепи, сковывающие человечество. Они сокрушили их, эти тугие узы, поработившие человечество в незапамятные времена.

И это было их истинной целью, узнал Сайлас вскоре после своей третьей смерти для этого человека. Человек ненавидел Сайласа не потому, что Сайлас был силен, а потому, что человек думал, что получил эту силу от богов. Что каким-то образом Боги снова начали влиять на мир в целом. Что их многолетняя битва, их жертвы... были напрасны.

"Все это начинает обретать какой-то смысл", - пробормотал Сайлас ветру, его не уложенные волосы развевались яростно и дико, необузданно, как его дух. "Три истории танцевали и смешивались... а четвертая тихо шептала".

Вздохнув еще раз, он преодолел расстояние - и через десять дней снова оказался перед деревней и тенью, которая неотвратимо надвигалась на него. Она появилась перед ним в высокомерном одеянии, благородно поблескивая под слабым мерцанием лунного света. Это был один из немногих дней, когда луна выглядывала и приветствовала мир. Хотя она была прекрасна, Сайлас был слеп к ней.

Человек смотрел на Тень, а та в ответ смотрела на него одинаково - один был закутан в черное одеяние с головы до ног, скрывавшее его черты, а на другом не было ничего, кроме рваных штанов и старого ремня, он был без верха и босиком по зимнему холодному снегу. Единственное, что казалось хоть отдаленно ценным, - это клинок, свободно висевший на боку, словно это единственное, что нужно человеку, чтобы странствовать по миру.

"Кто ты?" - спросила Тень, как всегда.

"Култ относится к тебе и твоим братьям как к божествам", - заговорил Сайлас, желая подтвердить свою теорию. "И верит, что ваша цель - воскрешение Империи. Они действуют независимо, ведомые угасшими знаниями, которые их предки едва успели спасти из горящих

домов. Они хотят свергнуть Королевство и восстать из его пепла. Но их ждет неудача. Ты и твои братья... вам нет дела до Империи. Ваша единственная цель в жизни... охранять эти земли от влияния богов. Один из вас, вероятно, был источником этой руки. Они должны были почувствовать ее - нить чего-то сродни силе богов. В конце концов, я неоднократно спасал, не задумываясь. Но эта сила... должна была откуда-то взяться".

"..." Тень продолжала слушать, молча.

"Хотя это не Боги... возможно, для тех из вас, кто сошел бы с ума от чего-либо, отдаленно приближающегося к царству Богов... это не стоило риска", - вздохнул Сайлас, глядя на луну. "Все не имеет значения. Вы прячетесь за маской вырождения, зла. Но в конце концов... вы надеваете эти маски, чтобы спрятаться. Вы знаете, что связь остается, какой бы слабой она ни была. Иначе не было бы ни пророков, ни экзорцистов, ни каких-либо других видов Божественного. Но они есть. Это значит... что где-то там существует по крайней мере один Каирн, соединяющий сферы, пусть и едва-едва".

"!!!!!!!!!!!!!"

"И поэтому ты надеваешь маску зла", - продолжал Сайлас, не обращая внимания на нарастающую энергию внутри мужчины. "Надеешься выбить правду любым способом. Дворяне... жадны, как и всегда. Их власть дошла до их головы, и теперь они выжидают время. Они увидели, что делает культ, и обвинили его во всех бедах. Они используют влияние культа, чтобы растянуть армии и влияние Королевства. Пока невинные мужчины и женщины умирают, они связывают их гибель с неспособностью короля избавить Королевство от паразитов".

"..."

"В конце концов, каким-то образом, каким-то образом эти истории столкнулись", - Сайлас внезапно указал на себя. "И оказались передо мной. Клыки многих оскалились, но вместо истории, которая должна была быть прекрасно сотканным гобеленом детских затей, неизбежно заканчивающихся войной за королевство - как и все бессмысленные затеи - она

стала... этим. Они скребут по дну бочки. Это были они? Кто сказал тебе, что они "почувствовали" Божественную энергию в этих местах?"

"..."

"А еще есть те, что за севером", - усмехнулся Сайлас. "Воскрешают своего бога, пока остальные препираются. Используют энергию, которую мы им даем. Заключают с нами сделки под видом невмешательства. Но в этой истории они тоже потерпят неудачу. Если бы у них была сила и уверенность, они бы выступили в поход. Но... они слабы. Только сейчас я понимаю, насколько они слабы. Скорее, все, кроме двух сторон, слабы. Ты... и король".

"...В твоей крови написана смерть, парень", - сказал Тень, его голос был до жути спокоен. Сайлас понял - гнев, отвратительное вырождение... это была маска. "Ибо знать - значит знать слишком много. Знать все это, как ты сказал... ты не можешь быть слабым".

"И все же слабые знают".

"Слабые знают фрагменты", - сказала Тень. "Даже ты... ловишь рыбу. Это правда, что у нас только одно призвание в этой и следующей жизни. Но мы не охотимся на низких детей богов, на бедные души, опьяненные святым".

"... Я знаю, где находится Каирн", - сказал Сайлас.

"Полагаю, что да", - кивнула Тень. "Но ты нам не скажешь".

"Верно. Я не буду", - кивнул Сайлас.

"Тогда зачем ты пришел сюда?" - спросила Тень. "Твой Путь - это не Путь Богов. Как и мы, ты открыл альтернативный путь к силе. Способ развязать цепи и встать во весь рост. Ты перешагнул границы, мальчик. Гордись этим и странствуй. По возможности подальше от этого грязного места".

"... Боюсь, я не могу этого сделать", - усмехнулся Сайлас, покачав головой. "Моя жизнь и моя смерть связаны с этими землями, как и твоя".

"Ты умрешь, мальчик", - сказала Тень.

"Умереть... значит жить", - пробормотал Сайлас, медленно доставая меч, серебряное мерцание которого сверкало на фоне белого снега внизу. "Теперь все истории имеют смысл... кроме моей собственной. Зачем я здесь?" - размышлял он, медленно направляя энергию через пальцы в клинок. "Какова моя цель? В чем мое призвание?" Лезвие дрожало и кричало, словно живая душа, охваченная огнем жизни. Тень спокойно наблюдал и молча слушал. "Почему, пока другие живут и умирают в неведении, я должен прожить каждую ложь и каждую правду своими костями?"

Лезвие гудело, и глаза Тени расширились - это был гул вечности, гул призвания, которое должно было быть отсечено. Это была песня арфы, на которую когда-то нанизывали пальцы неумирающих; и это был гул песни, которая когда-то давно пронзила когтями сердце Бога.

"Это были не боги, не ты, не король", - сказал Сайлас. "Есть только один другой".

"Он знает", - прошептал голос из ниоткуда и отовсюду, заморозив время. Энергия Сайласа

резко рассеялась, когда его глаза поднялись вверх. С разноцветной луны спустилась фигура, пара, возникшая из бесформенных цветов. "Дорогая лань".

"Действительно, дорогая ворона. "

"Но он еще не знает, дорогая лань".

"Однажды он это сделает, дорогая ворона".

"Когда наступит этот день, дорогая лань?"

"Не сегодня, дорогая ворона".

"Когда же, дорогая лань?"

"Когда наступят пожары и небо окрасится в пепельный цвет".

"Он будет болеть, дорогая лань".

"Он должен болеть, дорогая ворона".

"Он, наверное, болит?"

"Он должен болеть".

"У тебя должно болеть", - Сайлас задрожал, все его тело покалывало от холода. "Почему он должен болеть, дорогая лань?"

"Болеть - значит жить, дорогой ворон", - сказал голос, когда время закончилось. "Он должен позволить всему этому сгореть. Сгореть. Сгореть. Сгореть. "

"Мы ненавидим пожары, дорогая лань!".

"Но он любит их, дорогая ворона!"

"Он действительно их любит. Мы должны слушать, дорогая лань!"

"Ибо наше желание заставляет нас", - крошечный, пучеглазый, черный глаз на мгновение заглянул в душу Сайласа. "Наше желание заставляет нас... дорогой человек. "

Время разморозилось, и Сайлас стоял ошеломленный. Тень тоже казался озадаченным - но в основном тем, почему Сайлас вдруг отменил свою атаку. Последний все еще дрожал в

холодном поту, вспоминая. Я чуть в штаны не наложил... Господи Боже, что это было за гребаное дерьмо, святой Бог всего святого...

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2328520>